

• Моноклон •

Моноклон — крупный растительноядный динозавр юрского периода мезозойской эры. Передвигался на четырех ногах. На его панцирной голове со щитовидным воротником был один большой рог.

Виктор Николаевич проснулся от странного, нелепого сна. Ему приснился покойный отец, довоенный Весьегоньск, свадьба дяди Семена и Анны, на которой он побывал десятилетним мальчиком. Во сне все было почти как тогда, в далеком 1938-м, но он сам почему-то был уже нынешним стариком, и отец звал его дедом Витей. Его посадили во главу стола, отец сидел рядом и все время подливал ему вкусного, легкого, как березовый сок, самогона, от которого дед Витя, будучи по сути мальчиком, сильно захмелел и уже не мог сидеть, а упал под стол и, хохоча, стал хватать всех за ноги, отчего собравшиеся разозлились и принялись сильно пихать и бить его сапогами, галдя, что дед Витя опозорился. Потом

его подхватили и поволокли вон из дома, а он от опьянения не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, и ему стало так смешно, так весело, что он хохотал, хохотал дико до тех пор, пока не разрыдался.

Разлепив веки, полные слез, он поморгал ими. Слезы скатились по щекам на подушку. Потом он долго лежал, глядя в потолок с чешской хрустальной люстрой, купленной покойной женой в середине семидесятых в магазине “Свет” на Ленинском проспекте.

Дурацкий сон спутал мысли. Лежа и тесня пальцами край одеяла, Виктор Николаевич приводил мысли в порядок: в двенадцать придет Валя сделать последний укол, потом надо сходить в булочную, после обеда обещал зайти Коржев, сыграть в шахматы, а вечером должен заехать Володя. А завтра — идти за пенссией. И завтра будет готово белье, Володя заедет и получит. Жаль, что не сегодня, он бы по пути и заехал, а завтра ему опять придется кругаля давать.

— Весьегонск... — произнес он, откинув одеяло и сел на кровати.

Нашарив ногами тапочки, скосил глаза на тумбочку: часы “Янтарь”, газета “Известия”, сборник кроссвордов, книга Суворова “Ледокол”, томик стихов Вероники Тушновой, ста-

кан кипяченой воды, очки для чтения, фигурка Дарта Вейдера, подаренная семилетним праправнуком, валокордин, упаковка церебролизина с последней ампулой, упаковки ноотропила, сонапакса, феназепама, фуросемида, но-шпы и папазола.

Взял сонапакс, выдавил из кассеты таблетку, сунул в рот, запил водой.

Посидел, щурясь на солнце в просвете штор, шлепнул себя по коленкам, встал. Пошел в ванную, шаркая тапочками по старому паркету:

— Весьегонск... Весь-е-гоньск...

Зажег свет в ванной, вошел, спустил полосатые пижамные штаны, осторожно сел на унитаз. Посидел, жуя сухими губами, почесывая колено. Помочился медленно, с перерывами. Заворочался, пожевывая, серьезно вцепился в колени. Напрягся, опустив голову. Дряблые складки на шее угрожающие собрались под упрямым подбородком.

Тужась, закряхтел. Замер. Но недовольно выдохнув, покачал головой, расслабился, распрямляясь:

— Горные вершины спят во тьме ночной...

Встал, подтянул штаны, спустил воду, подошел к раковине, глянул в зеркало. Из зеркала на него уставился восьмидесятидвухлетний Виктор Николаевич.

— Гутен морген, — сказал ему Виктор Николаевич, взял зубную щетку, слегка трясущейся рукой выдавил на нее пасты и стал чистить свои ровные новые зубы.

Вычистив, сплюнул, прополоскал рот, умыл лицо, долго вытирали его розовым полотенцем. Затем снял с себя пижаму, повесил на крючок и осторожно, не торопясь, шагнул через борт ванны, схватился за металлическое кольцо, подтянул другую ногу. Открыл воду, отрегулировал, снял трубку душа с рычажков, похожих на доводенные телефоны, переключил воду, направил струю на свои худые ноги. Убедившись, что вода теплая, направил ее на свое худощавое, смуглое тело с обвислым животом. На теле было два старых шрама: на левом бедре, когда в 58-м на охоте его задел клыками раненый кабан, и на правом локте, когда в 91-м он сломал руку, поскользнувшись возле своего подъезда. Еще на теле виднелись две татуировки: посередине груди орел, когтящий змею, а на левом плече сердце, проткнутое двумя кинжалами, и еле различимая надпись “Нина”. Обе татуировки были старыми, пятидесятих годов.

Виктор Николаевич поливал свое тело из душа, опустив голову, отчего складки на шее снова угрожающе собирались, а нижняя губа сумрачно отвисла.

— В сто концов убегают рельсы... — проговорил он, вспомнив песню Пугачевой. — По рельсам... и по шпалам, по шпалам, по шпалам...

Выключил воду, взялся за кольцо, с осторожностью перенес свое тело из ванны на коврик. Снял полотенце и долго вытирался. Облачился в халат красного шелка, вздохнул, вышел из ванны и направился на кухню, шаркая тапочками. Но за окнами большой комнаты что-то зашумело. Виктор Николаевич прошаркал в большую комнату, подошел к окну.

Поседевшие брови его удивленно поползли вверх: весь Ленинский проспект, простирающийся под окнами, был заполнен молодежью в одинаковых серебристых скафандрах и белых гермошлемах с надписью “СССР”.

— Космонавты! — удивленно пробормотал Виктор Николаевич.

И сразу вспомнил:

— Сегодня ж 12 апреля! День космонавтики, сволочи дорогие! Мать честная!

Пораженный, он покачал головой. Сотни, тысячи космонавтов заполняли проспект. Машин не было. По краям у домов темнели зеваки.

За свою сорокалетнюю жизнь на Ленинском проспекте он не видел ничего подобного. Случались здесь демонстрации коммунистов в ельцинские времена, было и знаменитое побоище